THE JOURNAL OF SOCIAL POLICY STUDIES
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Александр Максименко, Дина Крылова, Ольга Дейнека, Анна Бушуева

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ И ГРАНИ ЭТИЧНОСТИ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА

В статье анализируется феномен добродетельной виктимности в контексте краудфандинга, рассматриваемого как форма привлечения частных пожертвований в условиях институциальной нестабильности и дефицита нормативного регулирования третьего сектора. Авторы опираются на концепт «двойного сигнала» (E. Ok), согласно которому демонстрация уязвимости, усиленная моральной безупречностью, повышает легитимность обращения за помощью и вероятность получения ресурсов. Исследование сочетает психологическую и институциальную перспективу, включая анализ самовосприятия представителей некоммерческих организаций и восприятия морального образа жертвы потенциальными донорами. Эмпирическая часть исследования включает два этапа. На первом использовался опросник добродетельной виктимности, адаптированный для российской выборки (n = 101). Результаты показывают, что у сотрудников благотворительных организаций выражены признаки символической виктимности: неуверенность в будущем,

Александр Александрович Максименко — д.социол.н., канд.психол.н., доцент, гл.н.с., Проектно-учебная лаборатория антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. ORCID: https://orcid.org/0000–0003–0891–4950. Электронная почта: maximenko.al@gmail.com

Дина Владимировна Крылова — заведующая, Проектно-учебная лаборатория антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. ORCID: https://orcid.org/0000–0001–5069–0319. Электронная почта: krylovadv@hse.ru

Ольга Сергеевна Дейнека — д.психол.н., профессор, и.о. зав. кафедрой политической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: https://orcid.org/0000–0001–8224–2190. Электронная почта: osdeyneka@yandex.ru

Анна Михайловна Бушуева — соискатель при кафедре общей и социальной психологии, Костромской государственный университет, Кострома, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0009–0007–2492–5568. Электронная почта: a.m.bushueva@yandex.ru

ощущение недооцененности и социальной невидимости, особенно у респондентов с большим профессиональным стажем. На втором этапе (n = 409) в экспериментальном дизайне варьировалась степень моральной «заслуженности» помощи со стороны персонажа, запрашивающего пожертвование. Установлено, что чем выше воспринимаемая добродетельность жертвы, тем выше готовность респондентов к финансовой поддержке и предполагаемый размер пожертвования. Полученные данные позволяют интерпретировать добродетельную виктимность как социально значимую стратегию публичного взаимодействия в благотворительной сфере. Обсуждаются риски ее прагматизации, а также необходимость институциального закрепления стандартов прозрачности, отчетности и этической подотчетности. Статья вносит вклад в развитие междисциплинарной повестки по изучению моральных основ социальной поддержки, доверия и легитимности в условиях кризиса репрезентативных институтов и трансформации механизмов распределения помощи.

Ключевые слова: добродетельная виктимность, этичное поведение, НКО, благотворительные фонды, непропорциональный обмен, социальная справедливость

Цитирование: Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С., Бушуева А. М. (2025) Добродетельная виктимность и грани этичности третьего сектора. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (2): 267–288.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-267-288

Парадоксы доверия и моральные стратегии в благотворительном краудфандинге

За последние два десятилетия третий сектор в России демонстрировал количественный рост и расширение деятельности, однако этот процесс сопровождался структурными дисбалансами. Одним из устойчивых парадоксов стало сочетание высокой вовлеченности населения в благотворительность и сохраняющегося дефицита доверия к благотворительным организациям. Согласно опросам (ВЦИОМ 2022; Ларина 2023) значительная часть россиян регулярно делает пожертвования, особенно в адрес уязвимых групп, таких как дети и животные. Тем не менее массовая благотворительная активность не трансформируется в институциальную лояльность: многие продолжают сомневаться в прозрачности, добросовестности и подотчетности деятельности фондов. Это указывает на несформированность механизмов доверия в секторе и на слабую институциализацию благотворительности как общественного института, способного воспроизводить устойчивые моральные и правовые нормы.

Усиление профессионализации некоммерческого сектора в России сопровождается ростом общественного запроса на прозрачность, подотчетность и этичность благотворительной деятельности. Эта тенденция отражает не только повышение ожиданий со стороны доноров и общества,

но и растущую потребность самих сотрудников НКО и бизнес-партнеров в устойчивых нормативных ориентирах при принятии решений в морально неоднозначных ситуациях. Однако отсутствие отраслевых этических кодексов и развитых комплаенс-практик создает значительные институциальные риски. Прецеденты последних лет, получившие широкую огласку, обнажили уязвимость краудфандинговой индустрии: от кейса с тестированием доступной среды Лидией Мониавой и ее приемным сыном (Кондратьева 2020), до публичных дискуссий о высоких зарплатах руководителей фондов и их образе жизни, далеком от представлений о скромности и служении (Размышления… 2021), Все чаще появляются сюжеты о предполагаемом мошенничестве со стороны медийных персон (K1NEWS.RU 2025), что дополнительно подрывает доверие к сектору. В этих условиях отдельные участники краудфандинга осваивают стратегии монетизации виктимности, превращая имидж добродетели в инструмент привлечения внимания и конвертации сочувствия в личные доходы. Отсутствие этического регулирования и развитие цифровых медиа усиливают эффективность таких стратегий, закрепляя асимметрию между моральным содержанием деятельности и ее публичным представлением.

Краудфандинг в сфере благотворительности функционирует как механизм восполнения дефицитов государственной социальной и культурной политики, а также как форма альтернативной экономики, мобилизующая ресурсы на реализацию общественно значимых инициатив (Латышева 2007). Однако по мере роста объемов частных пожертвований и расширения числа вовлеченных организаций усиливается необходимость аналитического различения форм, в которых краудфандинг осуществляется. В частности, можно выделить три типологически различающихся модели, основанных на степени соответствия правовым нормам и принципам этической ответственности.

«Белая» модель предполагает полную прозрачность процедур сбора и распределения средств, проведение предварительной экспертизы обращений и глубокое знание инфраструктуры предоставления помощи. Такие фонды действуют в рамках законодательства, которое допускает использование до 20% собранных средств на административные расходы, включая оплату труда сотрудников.

«Серая» модель сочетает формальное соблюдение закона с использованием нормативных лакун и манипулятивных практик. Речь идет о взаимодействии фондов с интернет-СМИ и частными клиниками, в результате которого искажаются сведения о стоимости лечения, доступности квот, медицинских прогнозах и квалификации специалистов. Это влияет на общественное восприятие срочности и значимости кейса, нередко склоняя граждан к участию в заведомо неэффективных или избыточных сборах, часто в пользу зарубежных клиник.

Наконец, «черная» модель представляет собой уже не этически сомнительную, а прямо противоправную деятельность. Она включает в себя

сбор средств на несуществующих или умерших пациентов, организацию сборов третьими лицами, не связанными с реципиентом помощи, либо фальсификацию медицинских документов. Как правило, такие схемы реализуются через «однодневные» фонды, прекращающие деятельность до проведения обязательного аудита.

Данная классификация позволяет не только зафиксировать существующее многообразие практик, но и проблематизировать ситуацию отсутствия внятных границ между добросовестной и сомнительной благотворительностью, особенно в условиях недостаточной нормативной определенности и публичной рефлексии этических стандартов. Несмотря на наличие нормативной базы, определяющей допустимые цели и ограничения благотворительной деятельности (ФЗ № 135-ФЗ 1995), институциальное оформление сектора остается фрагментарным. Доверие к благотворительным организациям формируется не столько на основе закона, сколько через повседневные практики, личный опыт и символические представления. Исследования показывают, что наряду с позитивной оценкой адресной помощи и участия в добровольчестве (CAF 2021; Попова, Попова 2018), сохраняется высокая степень скепсиса: НКО нередко воспринимаются как аффилированные с бизнес-структурами или малозаметные для общества (Mosblago.ru 2025). Это подтверждает, что формальная нормативность не равнозначна моральной легитимности, и подчеркивает значимость не только правовых, но и этических оснований доверия в благотворительности.

Несмотря на институциальное укоренение многих благотворительных фондов и их функциональную автономизацию как финансовых субъектов, говорить о завершении этапа становления преждевременно. Финансовые механизмы управления в большинстве случаев остаются слаборазвитыми, а стратегическое планирование и комплаенс-подходы — фрагментарными (Брызгалова 2018). В условиях сохраняющегося дефицита доверия фонды вынуждены компенсировать институциальные слабости за счет нематериальных ресурсов: формирования позитивного имиджа руководителя, активной информационной политики и демонстративной прозрачности отдельных процессов (Нефедова 2015).

Попытки концептуализировать траектории развития благотворительности в современной России предпринимаются на стыке нормативных и эмпирических подходов. Так, на основе обобщения нормативно-правовой базы и практик поддержки сектора предложена четырехэтапная схема, охватывающая цели, актуальное состояние, направления развития и меры государственной поддержки благотворительности (Ларионова 2009). Однако такие схемы по-прежнему слабо опираются на поведенческую и ценностную логику участия граждан в благотворительности.

Эмпирическое исследование Ю. В. Ухановой и коллег (2021), проведенное в Вологодской области, выделяет три кластера факторов, определяющих

мотивацию к участию в благотворительной деятельности. Первый связан с социальными нормами и установками — значимостью религии, стремлением к признанию и уровнем гражданской активности. Второй — с социально-демографическими характеристиками, в частности, семейным положением и уровнем дохода (с негативной корреляцией). Третий кластер отражает влияние психологических установок: удовлетворенность жизнью, чувства самодостаточности, а также уровня социального и институционального доверия, включая доверие к НКО.

Современные представления о зрелости благотворительного сектора связываются не только с институциальной прозрачностью, но и с технологической и нравственной устойчивостью организаций. Экспертные оценки подчеркивают значимость таких признаков, как открытость деятельности, стандартизация бизнес-процессов и наличие моральной атмосферы, способной поддерживать доверие между фондами и обществом (ЦСП «Платформа», Рыбаков фонд 2019). Согласно аналитике Центра управления благосостоянием и филантропии Московской школы управления «Сколково», в ближайшие годы ожидается дальнейшее усиление профессионализации сектора, расширение применения бизнес-практик, использование гибридных финансовых инструментов и рост числа проектов на основе целевых капиталов (Шпак и др. 2022). Однако при всей технологичности этих прогнозов в них практически отсутствует рефлексия по поводу внедрения этических инструментов регулирования, несмотря на очевидную чувствительность сектора к вопросам справедливости, моральной репрезентации и символического капитала.

На этом фоне особенно актуальной выглядит идея формирования новой философии благотворительности, предложенная Иосифом Дзялошинским (2008). По его мнению, благотворительность не должна оставаться сферой элитарного перераспределения ресурсов — функцией крупного капитала и обслуживающих его экспертов. Напротив, она может и должна стать пространством массового социального творчества, способным удовлетворить экзистенциальные потребности среднего класса, формируя основания для горизонтальной солидарности.

Зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, как эмоциональная и когнитивная архитектура донорского поведения взаимодействует с репутацией и прозрачностью благотворительных организаций. Отмечается,, что эмоционально окрашенные призывы к пожертвованиям, вызывающие грусть и сочувствие, могут повышать чувствительность жертвователей к возможной манипуляции (Choi, Park 2021). Однако при высоком уровне доверия к организации или в условиях когнитивной перегрузки этот скепсис снижается, и доноры охотнее откликаются на подобные обращения.

Одновременно выявляется структурная уязвимость таких взаимодействий: значительная доля жертвователей не исполняет добровольно данных обещаний о пожертвованиях, особенно в случае отсутствия

конкретизации суммы или механизмов обратной связи (Fosgaard, Soetevent 2022). Отказ от пожертвования часто происходит на стадии принятия решения, а если взятые обязательства и выполняются, то в объемах, существенно меньших, чем ожидалось. Эти данные подчеркивают необходимость усиления институциальной инфраструктуры доверия, которая может быть обеспечена не только через эмоциональные сигналы, но и через технологические решения.

Одним из таких решений является разработка платформ, основанных на технологиях открытого блокчейна. Система на базе *Ethereum*, предложенная A. Almaghrabi и A. Alhogail (2022), позволяет фиксировать каждую транзакцию как неизменяемую и общедоступную запись, что обеспечивает прослеживаемость и снижает риск злоупотреблений. В условиях, где эмоциональная мобилизация сочетается с институциальной уязвимостью, подобные технологические инструменты могут играть роль компенсаторного механизма доверия.

Цифровые платформы и социальные сети все чаще становятся не только каналами привлечения пожертвований, но и средой, где формируется образ нуждающегося и конструируется моральная рамка обращения за помощью. Исследование Li и соавторов (Li et al. 2020) демонстрирует возможности алгоритмического сопоставления доноров и фандрайзеров на основе предпочтений, характера предыдущих взаимодействий и динамики информационного распространения. Такие механизмы позволяют не только повысить эффективность фандрайзинга, но и тонко настраивать эмоциональные и символические сигналы, сопровождающие запрос на участие. Тем самым усиливается зависимость благотворительного поведения от репрезентации морального профиля реципиента и вызываемых у донора аффектов.

На этом фоне особую значимость приобретает концепт добродетельной виктимности (Ok et al. 2020), описывающий стратегии демонстрации уязвимости в сочетании с сигналами моральной легитимности. В психологии виктимность трактуется как устойчивая личностная установка воспринимать себя жертвой, однако в публичном пространстве она становится инструментом социального позиционирования. Публичное артикулирование страданий, угнетенности или ограничений, совмещенное с подчеркнутой моральной безупречностью, формирует образ «заслуживающего» помощи. Исследователи называют это явление «двойным сигналом добродетельной виктимности», при котором страдание усиливается добродетелью, а добродетель — уязвимостью (Ibid: 1634).

Этот феномен особенно ярко проявляется в медийных форматах, где внимание и ресурсы распределяются не на основе формальных критериев нуждаемости, а в соответствии с эмоциональной выразительностью, символической «правильностью» и воспринимаемой нравственной чистотой жертвы. Как подчеркивают Ok и коллеги, в западных обществах добродетельная виктимность становится частью институциализированного

«культа жертвы», в рамках которого страдание приобретает обменную ценность. Такая виктимность может быть не только спонтанной реакцией, но и инструментально выверенной стратегией получения как материальных, так и символических ресурсов — признания, поддержки, сочувствия, исключений из правил. Ее прагматический характер проявляется в возможности игнорировать общественные нормы ради индивидуальной выгоды, при этом оставаясь в поле морального одобрения.

В настоящем исследовании сохраняется термин «добродетельная виктимность» — не только как отсылка к англоязычной традиции, но и как аналитический инструмент, позволяющий описывать устойчивую стратегию формирования морально легитимного образа жертвы. В исследовании добродетельная виктимность понимается как стратегия публичного самопредставления, при которой субъект (человек или организация) сочетает демонстрацию уязвимости с акцентом на моральную безупречность. Такой образ жертвы вызывает эмпатию, усиливает доверие и способствует привлечению ресурсов. Эта стратегия может быть как искренней, так и сознательно используемой в фандрайзинге. Важно различать добродетельную виктимность как внутреннюю установку и как внешнюю коммуникационную тактику, основанную на визуальных, языковых и поведенческих сигналах. Несмотря на то, что сам феномен активно обсуждается в зарубежной литературе, в российском контексте он пока мало исследован, хотя обладает высоким объяснительным потенциалом в анализе моральной динамики благотворительных практик.

Целью настоящего исследования стало выявление и анализ проявлений добродетельной виктимности в практике краудфандинга, реализуемой представителями некоммерческого сектора в России. Исходная гипотеза — о том, что чем добродетельнее воспринимается образ жертвы, тем выше готовность жертвователей к финансовой поддержке — уже получила подтверждение в ряде зарубежных работ (Jordan, Kouchaki 2021) и является частью сложившейся исследовательской традиции. Новизна нашего подхода заключается не в формулировке гипотезы, а в ее эмпирической верификации применительно к российскому контексту благотворительного краудфандинга. Дополнительно исследовалась связь между выраженностью добродетельной и прагматичной виктимности и такими параметрами, как опыт работы в НКО и объем пожертвований.

В дополнение к эмпирическому анализу проведена первичная валидизация инструмента измерения — опросника добродетельной виктимности (ОПВ) (см. эл. прил. 1), включающая процедуру прямого и обратного перевода, проверку надежности, факторную структуру (конструктную валидность), а также сопоставление с результатами методики «Темная триада» в целях оценки конвергентной валидности. Результаты показали, что предложенный инструмент адекватно отражает ключевые характеристики феномена и может быть использован в дальнейшем для психологического анализа моральных оснований благотворительной активности.

Материалы и методы

Выборки и инструментарий исследования

Первая часть исследования направлена на изучение проявлений добродетельной виктимности среди сотрудников российского третьего сектора. Опрос проводился онлайн, в анонимном формате с 3 по 5 августа 2023 г. с использованием платформы «Анкетолог». В выборку вошел 101 представитель благотворительных фондов и некоммерческих организаций, из которых 84% составили женщины. Средний возраст респондентов — 41,7 года (SD = 8,73).

Характеристики выборки накладывают ряд ограничений на интерпретацию результатов. Во-первых, относительно небольшой объем выборки (n = 101) снижает возможности генерализации полученных выводов на более широкую совокупность сотрудников некоммерческого сектора в России. Во-вторых, наблюдается выраженный гендерный дисбаланс: 84% опрошенных — женщины. С одной стороны, это может отражать действительное преобладание женщин в сфере НКО. С другой — такая структура выборки повышает вероятность смещения данных, особенно в тех аспектах, которые потенциально связаны с полом респондентов: эмоциональной чувствительностью, установками на помощь, стратегиями самопрезентации и выражением виктимности. В частности, гендер может оказывать влияние на способы восприятия моральных качеств «жертвы» и на готовность к благотворительным действиям, что требует учета при интерпретации данных. Таким образом, выявленные в исследовании тенденции следует рассматривать как предварительные. Для проверки устойчивости результатов и уточнения выявленных связей необходимы дальнейшие исследования с участием более широких и социально-демографически сбалансированных выборок, позволяющих учесть влияние пола, возраста, уровня дохода и других значимых факторов.

Социально-демографическая структура выборки отражает широкий спектр позиций внутри сектора. В ней представлены как жители столичных агломераций (около половины респондентов проживают в Москве, Санкт-Петербурге и других городах-миллионниках) так и обитатели малых и средних городов. Большинство участников обладают высшим образованием (72%). По уровню религиозности респонденты распределились следующим образом: около половины (48%) считают себя «не очень религиозными», 32% — «довольно религиозными», 19% — нерелигиозны и 2% — отнесли себя к «очень религиозным». Уровень субъективного дохода у большинства характеризуется как средний или ниже среднего. В опрос также включены вопросы о длительности работы в благотворительных организациях и доле частных пожертвований в бюджете фонда.

Основным исследовательским инструментом выступил «Опросник добродетельной виктимности» (Ok et al. 2020). Он включает 19 утверждений

(см. эл. прил. 1), оцениваемых по пятибалльной шкале Р. Лайкерта, и направлен на выявление субъективных переживаний благотворителей несправедливости, социальной уязвимости, недоверия и отсутствия признания. Также учитывались параметры, связанные с идентичностью, безопасностью, чувствительностью к внешней оценке и восприятием собственной социальной роли в секторе.

Во второй части исследования анализировалась связь между восприятием добродетельности жертвы и готовностью респондентов оказать ей финансовую поддержку. Для этого сформированы три экспериментальные группы, различающиеся по типу представленного образа. В первую группу вошли 100 участников (14% мужчин, 86% женщин, средний возраст — 36,4 года, SD = 9,00), которым предлагался нейтральный образ жертвы. Во вторую — 152 чел. (40% мужчин и 60% женщин, средний возраст — 32,7 года, SD = 12,05) где использовался образ с подчеркнуто недобродетельным контекстом. Третья группа включала 157 чел. (42% мужчин, 58% женщин, средний возраст — 36,9 лет, SD = 9,74), которым демонстрировался сценарий, формирующий добродетельный имидж нуждающегося. Сравнение реакций в трех условиях позволило оценить влияние моральной репрезентации жертвы на поведенческую готовность к пожертвованию и потенциальный размер поддержки.

Все участники рекрутированы онлайн с помощью платформы «Анкетолог» — из числа зарегистрированных пользователей, добровольно согласившихся принять участие в исследовании. При наборе использовалась технология рандомного распределения: респонденты случайным образом попадали в одно из трех экспериментальных условий с равной вероятностью. Для исключения повторного участия применялся фильтрационный вопрос, а перед началом опроса участники подтверждали информированное согласие.

Специального подбора по квотам не проводилось, однако анализ социально-демографических характеристик (возраст, пол) показал, что группы сопоставимы по возрасту ($M \approx 33–37$ лет) и в целом демонстрируют удовлетворительную однородность. При этом в первой группе (нейтральный образ) зафиксировано большее представительство женщин, что, вероятно, отражает особенности отклика на содержание конкретного сценария. Данный дисбаланс не повлиял на выявленные эффекты, поскольку переменная пола не включалась в статистический анализ, однако в дальнейших исследованиях планируется использовать стратифицированные выборки и учитывать пол как фактор, потенциально модифицирующий поведенческие реакции.

Для манипулирования восприятием степени добродетельности жертвы респондентам из трех групп представлены вариации одного и того же базового сюжета, отличающиеся контекстом причин травмы. Во всех версиях фигурировал персонаж по имени Дмитрий Иванов, 45 лет, парализованный ниже пояса в результате несчастного случая, произошедшего

два года назад. Сюжет сопровождался информацией о его намерении пройти реабилитацию, несмотря на крайне низкие шансы на восстановление.

В нейтральной версии (первая группа) сообщалось лишь о факте травмы и планируемом лечении, без указания на обстоятельства происшествия. В негативной версии (вторая группа) акцентировались обстоятельства, формирующие образ личной ответственности: травма получена во время купания в состоянии алкогольного опьянения. В позитивной версии (третья группа) создавался морально нагруженный образ: травма произошла в ходе волонтерского выступления с народными песнями в доме престарелых, что выстраивало представление о жертве как об альтруисте, пострадавшем при исполнении бескорыстной социальной миссии.

Для оценки восприятия представленного персонажа респондентам предлагалось оценить его по ряду параметров с использованием 10-балльной шкалы Лайкерта. Участники указывали, в какой степени, по их мнению, Дмитрий является жертвой (от 1 — «совсем не жертва» до 10 — «безусловно жертва»), насколько серьезны последствия полученной им травмы, а также давали оценку его моральности, добродетельности и этичности поступков. Эти измерения позволяли зафиксировать, как изменяется моральная репрезентация жертвы в зависимости от заданного сценария.

Для выявления поведенческой готовности к пожертвованию использовался гипотетический, но реалистичный сценарий: участникам предлагалось представить, что Дмитрий разместил в социальных сетях просьбу о финансовой поддержке прохождения реабилитации. Условием задачи было то, что у респондента оставалось не более 15 тыс. руб. до ближайшей заработной платы. На этой основе измерялась степень готовности оказать помощь по шкале от 1 («совершенно точно не смог(ла) бы помочь») до 10 («совершенно точно смог(ла) бы помочь»). Такая постановка позволила оценить не только моральное восприятие жертвы, но и поведенческое намерение в условиях ограниченных ресурсов.

Методы обработки данных

Анализ данных проводился с использованием статистического пакета *SPSS 19.0.* В рамках обработки первой части опроса (опросник добродетельной виктимности) применялись описательная статистика и факторный (эксплораторный) анализ для выявления латентной структуры шкалы и группировки утверждений по содержательным кластерам. Для оценки взаимосвязей между уровнями виктимности и социально-демографическими характеристиками респондентов использовался корреляционный анализ по Спирмену.

Во второй части исследования, направленной на изучение влияния морального образа жертвы на готовность к пожертвованию, для проверки статистической значимости различий между тремя экспериментальными группами применялся непараметрический критерий Манна — Уитни. Этот подход позволил выявить различия в оценках моральных характеристик

жертвы и предполагаемой готовности к финансовой поддержке в зависимости от заданного контекста.

Результаты исследования

Проявления добродетельной виктимности у представителей третьего сектора

В первой части исследования проведена количественная оценка выраженности добродетельной виктимности среди сотрудников благотворительных организаций. Для этого использовался 19-пунктный «Опросник добродетельной виктимности», отражающий субъективные переживания социальной уязвимости, чувства недооцененности и институциального отчуждения. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по 5-балльной шкале Лайкерта.

В таблице 1 представлены средние значения (M) и стандартные отклонения (SD) по каждому из утверждений. Наибольшую согласованность респонденты проявили в отношении ощущения финансовой незащищенности (M = 3,05), отсутствия контроля над будущим (M = 2,78), дефицита социальной поддержки (M = 2,75) и беспокойства за безопасность (M = 2,59). Менее выраженными оказались утверждения, связанные с дискриминацией по идентичности, стигматизацией или ограничениями в передвижении (M< 2,0), что может свидетельствовать о восприятии своей профессиональной роли как морально значимой, но слабо институциализированной.

Интерпретация данных, представленных в таблице, свидетельствует о том, что в целевой группе представителей краудфандинговых благотворительных организаций доминирует в целом благоприятная оценка собственной социальной роли. Жалобы на институциальную несправедливость и общественное давление выражены умеренно, что позволяет говорить о сдержанном, но настойчивом восприятии уязвимости. Наиболее частотными оказались ощущения недостаточной финансовой защищенности, утраты чувства контроля над будущим и нехватки социальной поддержки —. маркеры символической нестабильности, типичной для профессий, опирающихся на моральный капитал, но слабо встроенных в защищенные институциальные контуры.

Одновременно фиксируется низкий уровень согласия с утверждениями, касающимися дискриминации по признаку профессиональной идентичности, ограничений свободы передвижения и криминализации труда. Это может свидетельствовать о высокой степени моральной легитимности, приписываемой собственной деятельности со стороны как самих благотворителей, так и окружающего общества, несмотря на сохраняющееся ощущение невидимости и недооцененности. Таким образом, добродетельная виктимность в данном контексте проявляется не как

риторика радикального конфликта с обществом, а как стратегия символической борьбы за признание.

Таблица 1

Описательные статистики данных опросника «Добродетельной виктимности»

Утверждение	*M*	*SD*
Представители власти не слышат ваши опасения и потребности	2,57	1,19
Ваши достижения ставятся под сомнение	2,43	1,10
Вы не чувствуете себя финансово защищенным	3,05	1,27
Вы не чувствуете себя комфортно (в восприятии своего тела)	2,24	1,11
Вы воспитаны так, что у вас меньше возможностей, чем у других людей	2,47	1,18
Вы физически не в состоянии заниматься своей повседневной деятельностью	1,95	1,02
Вам платят меньше из-за особенностей вашей личности	1,83	1,10
Вы не можете преследовать свои цели и мечты из-за внешних факторов	2,43	1,18
У вас нет сильной социальной поддержки	2,75	1,26
Вы не чувствуете, что контролируете свое будущее	2,78	1,31
Вы боретесь с проблемами психического здоровья	1,89	1,19
Вы беспокоитесь о своей безопасности	2,59	1,27
Вы не чувствуете себя принятым в обществе из-за вашей особенной идентичности	1,64	1,01
Вы не чувствуете, что вам ставят в заслугу ваши достижения	2,30	1,06
Люди, которые разделяют вашу идентичность, криминализируются обществом	1,55	,93
Такие люди, как вы, недостаточно представлены в средствах массовой информации и высших органах власти	2,32	1,27
Люди, принадлежащие к вашей группе, подвержены негативным стереотипам	2,13	1,21
Не можете свободно передвигаться ни внутри своей страны, ни за ее пределами	1,64	1,04
Ваши права были каким-то образом нарушены	2,05	1,15

Примечание. Использовалась 5-балльная шкала Р. Лайкерта.

Результаты эксплораторного факторного анализа (см. прил. 2). выявили многомерную структуру добродетельной виктимности в целевой группе представителей благотворительных организаций. Всего было выделено четыре содержательно интерпретируемых фактора, отражающих ключевые измерения воспринимаемой социальной уязвимости и недооцененности.

Первый фактор — дефицит уверенности и социальной поддержки — агрегирует утверждения, отражающие ощущение неопределенности в отношении будущего, недостатка поддержки и затрудненности в достижении жизненных целей. Он представляет собой основу субъективной незащищенности и символического одиночества в профессии, в которой системная поддержка замещается моральным призванием.

Второй фактор — дефицит одобрения в обществе и внимания СМИ — объединяет представления о стигматизации, недостаточной видимости в медийном пространстве и низкой представленности в институтах власти. Он указывает на восприятие собственной профессиональной группы как маргинализированной и недостаточно признанной в публичном дискурсе.

Третий фактор, получивший название фактор выгорания, включает эмоциональные и психофизические индикаторы истощения: переживание усталости, обесценивания, сомнений в легитимности оплаты своего труда, а также ассоциации со стигматизирующими суждениями (например, криминализация деятельности). Это указывает на внутреннюю эрозию морального ресурса, лежащего в основе благотворительной мотивации.

Четвертый фактор — дефицит признания достижений властью — представлен утверждениями о непонимании и равнодушии со стороны государственных структур, включая сомнение в ценности и значимости вклада благотворителей. Он отражает институциальный аспект недоверия и ощущение «невидимости» сектора в глазах публичной власти.

Совокупность этих факторов подтверждает, что добродетельная виктимность в третьем секторе — это не монолитное чувство жертвенности, а сложная и стратифицированная структура, включающая как внутренние эмоциональные переживания, так и внешние сигналы признания или его отсутствия. Эти измерения могут быть использованы в дальнейшем для типологизации акторов сектора по стилям взаимодействия с аудиторией, стратегиями самообоснования и устойчивости к профессиональному выгоранию.

Корреляционный анализ данных позволил выявить статистически значимые связи между показателями добродетельной виктимности и социально-демографическими характеристиками респондентов. Полученные данные указывают на то, что склонность к сигнализации о своей уязвимости варьируется в зависимости от пола, профессионального стажа и уровня религиозности. Так, женская часть выборки статистически чаще сообщала о страхах, связанных с безопасностью ($p<0,01$), что может отражать более выраженное восприятие уязвимости в социальном и профессиональном контексте. Респонденты с более продолжительным опытом

работы в некоммерческом секторе чаще соглашались с утверждением о том, что что их профессиональная идентичность подвергается стигматизации и криминализации в общественном восприятии ($p<0,05$). Это может свидетельствовать о накоплении фрустрации и обостренном чувстве символического отчуждения у более «встроенных» в систему акторов.

Интересную структуру демонстрируют различия, связанные с уровнем религиозности. Более религиозные респонденты значимо чаще сообщали о борьбе с проблемами психического здоровья ($p<0,001$), что может свидетельствовать о внутреннем напряжении между нормой служения и ограниченными ресурсами поддержки. Напротив, менее религиозные участники исследования чаще выражали сожаление по поводу недостаточной представленности своей социальной группы в публичной сфере — в СМИ и органах власти ($p<0,001$), что может интерпретироваться как стремление к внешнему признанию и институциальной видимости.

Влияние образа жертвы на готовность к пожертвованию

Результаты второй части исследования (табл. 2) демонстрируют статистически значимые различия в восприятии одного и того же персонажа — Дмитрия Иванова — в зависимости от заданного морального контекста. Оценки респондентов варьировались в соответствии с тремя сценариями, отличающимися степенью предполагаемой добродетельности.

Таблица 2

Значимые различия оценок трех различных по степени добродетельности жертвы сюжетов (указаны средние значения и стандартные отклонения)

Параметры оценки	*Негативный образ (n=152)*		*Нейтральный образ (n=100)*		*Позитивный образ (n=157)*	
Воспринимаемая виктимность	4,84**	2,42	6,23	3,39	6,83**	2,77
Серьезность травмы	5,57	3,40	5,54	3,97	5,93	3,60
Моральность	4,87***	2,01	6,57	1,94	7,12***	2,77
Добродетельность	4,61***	2,12	6,09**	1,79	7,54***	2,54
Этичность	4,72***	2,15	6,37**	1,85	7,52***	2,41
Готовность пожертвовать	4,46**	2,70	5,49*	2,85	6,45**	2,65

Примечание: Использовалась 10-балльная шкала Р. Лайкерта. *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,001.

Как показывают данные, значимые различия прослеживаются практически по всем измерениям. Участники склонны приписывать моральные качества, добродетель и этичность в наибольшей степени тому образу, который репрезентирован как жертва, пострадавшая в результате альтруистической деятельности. В то же время респонденты менее склонны воспринимать

как морально заслуживающего помощи персонажа, чья травма обусловлена собственным рисковым и социально неодобряемым поведением.

Показательно, что уровень готовности к пожертвованию демонстрирует такую же градацию, следуя за оценками моральных характеристик. Таким образом, данные подтверждают гипотезу о том, что добродетельная виктимность влияет на поведенческое намерение поддержки: моральный контекст обращения оказывает значимое влияние на готовность доноров участвовать в сборе средств, даже в условиях ограниченного бюджета.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов, касающихся институциальной и моральной природы добродетельной виктимности в краудфандинговом секторе. Одно из практических следствий — понимание того, что этическое поведение благотворительных организаций должно включать не только декларации ценностей, но и абсолютную прозрачность публичной отчетности. В условиях высокой моральной нагруженности сектора и дефицита формальных регуляторов именно транспарентность становится инструментом как репутационного укрепления, так и профилактики недобросовестного поведения (Соколов, Власова 2014). Прозрачность и обоснованность деятельности фонда не только повышают уровень доверия со стороны граждан, но и снижают риски инструментализации сочувствия, при которой благие намерения становятся объектом манипуляции или даже мошенничества. Это особенно важно в контексте выявленных стратегий прагматичной виктимности, при которых моральный облик жертвы используется для мобилизации ресурсов, независимо от подлинных потребностей или справедливости. Без унифицированных и контролируемых стандартов отчетности добродетель может превращаться в символический ресурс, не имеющий реальной корреляции с деятельностью фонда.

Исследования подчеркивают, что в российском контексте ожидания особой моральной ответственности от благотворителей особенно востребованы. Благотворительность глубоко встроена в систему культурных и духовных координат — в ней доминирует нравственный акцент, отражающий особенности национального представления о справедливости, долге и сострадании (Тульчинский 2006). При этом уровень обобщенного доверия в обществе остается уязвимым, и именно устойчивость и этичность поведения благотворительных организаций способны стать важным фактором повышения социальной защищенности и укрепления горизонтальных связей (Ромашкина и др. 2018).

Риски злоупотреблений в сфере благотворительности — в том числе использование эмоционально нагруженных сюжетов в мошеннических целях — представляют собой не только локальную, но и общую проблему. В условиях высокой чувствительности сектора к вопросам доверия и леги-

тимности одним только внутренним саморегулированием ее не решить. Общество, в том числе его активная часть, ограничено в возможностях противодействия экономически мотивированным формам манипуляции без поддержки со стороны государства.

Риски злоупотреблений в сфере благотворительности — включая использование эмоционально нагруженных сюжетов в мошеннических целях — представляют собой не только локальное, но и общемировое явление. В условиях высокой чувствительности сектора к вопросам доверия и легитимности все очевиднее, что одного лишь внутреннего саморегулирования может оказаться недостаточно. При этом ресурсы гражданского общества в противодействии экономически мотивированным формам манипуляции, зачастую ограничены, особенно при отсутствии институциальной поддержки.

В этой связи вызывает интерес вопрос о возможной роли государства как актора, располагающего инструментами легитимного контроля, включая механизмы сопоставления доходов и расходов благотворительных организаций, а также физических лиц, получающих финансирование через краудсорсинговые платформы, в том числе в рамках незарегистрированных инициатив. Возможным направлением дальнейшего обсуждения может стать переосмысление роли государства как одного из акторов, обладающего инструментами легитимного контроля. Это касается, в частности, механизмов соотнесения доходов и расходов как благотворительных организаций, так и физических лиц, получающих средства через краудсорсинговые платформы, в том числе вне рамок официальной регистрации. Открытым остается вопрос о том, каким образом можно выстроить такую систему взаимодействия, которая с одной стороны, не подавляла бы инициативность сектора, а с другой — обеспечивала бы защиту от недобросовестных практик.

Одним из перспективных направлений обсуждения может стать концепт прозрачности как элемента репутационной устойчивости. Публичная отчетность в этом контексте представляется не только как нормативное требование, но и как потенциальный инструмент формирования доверия — как со стороны общества, так и со стороны регуляторов. Вместе с тем стоит задаться вопросом о реальной эффективности этических кодексов: без механизмов обратной связи и внешней верификации они рискуют оставаться преимущественно символическими. Таким образом, дальнейшие дискуссии могут быть сосредоточены вокруг баланса между этическим саморегулированием, общественным контролем и институциональным участием в обеспечении доверия к благотворительному полю.

В этих условиях цифровизация может быть не просто технологическим трендом, но реальным ресурсом повышения институциальной ответственности. Технологии блокчейн, автоматизированная отчетность и инструменты открытого доступа к данным способны стать основой для

архитектуры доверия — при условии, что за «витриной добродетели» будет стоять подлинная подотчетность. Добродетельная риторика в этом контексте не должна становиться индульгенцией, освобождающей от соблюдения норм законности и справедливости.

Как показали результаты второй части исследования, массовое сознание остро реагирует на моральную коннотацию образа жертвы, и готовность к пожертвованию существенно возрастает в случае, если субъект помощи воспринимается как этически безупречный. Это подчеркивает необходимость учета высокой чувствительности обыденного сознания к категориям справедливости, моральной ответственности и заслуженности помощи. Именно в этом контексте добродетельная виктимность становится не только стратегией репрезентации, но и маркером общественного запроса на этичную и честную благотворительность.

Заключение

Проведенное исследование позволило эмпирически обосновать значимость феномена добродетельной виктимности для анализа моральной динамики в сфере краудфандинга и шире — в третьем секторе. Выявлены характерные черты представителей российских некоммерческих организаций, занимающихся сбором пожертвований. Установлено, что уровень добродетельной виктимности выше у тех, кто дольше работает в данной сфере, что позволяет интерпретировать ее как отчасти институциально усваиваемую стратегию моральной самопрезентации в условиях ограниченного признания и поддержки.

Кроме того, экспериментально подтверждена гипотеза о том, что восприятие добродетельности жертвы напрямую влияет на поведенческие намерения потенциальных доноров. Чем выше воспринимаемая моральная легитимность и этичность жертвы, тем выше готовность респондентов оказать ей финансовую помощь, даже при условии ресурсных ограничений. Более того, зафиксирована положительная связь между степенью выраженности добродетельной виктимности и величиной предполагаемого пожертвования, что подчеркивает ее значение как механизма мобилизации поддержки.

Дополнительно в рамках работы проведена первичная валидизация опросника добродетельной виктимности. Полученные результаты свидетельствуют о его внутренней согласованности и валидности, что позволяет рекомендовать его к дальнейшему использованию в психологических и социологических исследованиях, направленных на изучение моральной коммуникации в благотворительности.

Таким образом, добродетельная виктимность может рассматриваться как важный аналитический инструмент для изучения взаимодействия между актором, запрашивающим помощь, и обществом, реагирующим на эти запросы в условиях дефицита доверия и конкуренции за внимание.

Ее исследование открывает новые перспективы для переосмысления этики участия, эмоциональной экономики и морализованных форм публичного обращения за поддержкой.

Выражение признательности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25–28–01362 «Исследование социально-психологических предикторов формирования склонности к коррупции и воспринимаемого наказания: роль и значение медиаторов»

Материалы для анализа

K1NEWS.RU (2025) *Печально известный музыкант дал сольный концерт*. Доступно по ссылке: https://clck.ru/3MYgFS (дата обращения: 15 февраля 2025).

Mosblago.ru (2025) *Проект «Благотворительные организации Москвы: проблемы и перспективы»: Фрагменты отчетных материалов.* Доступно по ссылке: http://www.mosblago.ru/groups/page-11.htm (дата обращения: 15 февраля 2025).

ВЦИОМ (2022) *Благотворительность в России: вовлеченность, мотивы, барьеры.* Доступно по ссылке: https://clck.ru/3MYdX2 (дата обращения: 15 февраля 2025).

Кондратьева Е. (2020) 12-летнего Колю сделали невольным бойцом за толерантность. *Взгляд: Деловая газета*, 30.11.2020. Доступно по ссылке: https://vz.ru/opinions/2020/11/30/1044675.html (дата обращения: 15 февраля 2025).

Размышления вольного социолога (2021) *Настя против Мити. Почем благотворительность для народа*. Доступно по ссылке: https://sapojnik.livejournal.com/3464956.html (дата обращения: 15 февраля 2025).

Ларина А. (2023) *65% россиян жертвуют деньги на благотворительность. Коммерсантъ, 10.02.2023*. Доступно по ссылке: ttps://www.kommersant.ru/doc/5813400 (дата обращения: 15 февраля 2025).

Федеральный закон (1995) *О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)*, № 135-ФЗ от 11.08.1995 (ред. от 21.11.2022).

ЦСП «Платформа» и Рыбаков фонд (2019) *Филантропия на пороге системности: Анализ тенденций, рисков и возможностей благотворительности в России*. М.

CAF (2021) *World Giving Index.* Available at: https://www.cafrussia.ru/storage/files/file-161.pdf (accessed 15 October 2024).

Список источников

Брызгалова В. А. (2018) *Мировой опыт функционирования благотворительных фондов и его использование в России*. Дис. канд. экон. наук. М.

Дзялошинский И. (2008) Благотворительность в системе PR-технологий: новые тенденции. *Тенденции развития связей с общественностью и рекламы: материалы Всерос. науч.-практ. конф*. Челябинск: 1–5.

Ларионова Т. П. (2009) Моделирование координации современной российской благотворительности: социологический аспект. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 151 (5), 1: 30–40.

Латышева А. Н. (2007) Это не просто бизнес: социальная составляющая российского краудфандинга. *Журнал исследований социальной политики*, 15 (4): 660–668.

Нефедова А. И. (2015) Стратегии фандрайзинговых фондов по повышению доверия к сбору частных пожертвований. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (4): 166–182.

Попова Н. В., Попова Е. В. (2018) Благотворительность как фактор формирования нравственных норм молодежи. *Образование и наука*, 20 (10): 139–155.

Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. (2018) Обобщенное доверие: концептуализация и измерение. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 11 (4): 464–486.

Соколов А. В., Власова А. А. (2014). Благотворительность в системе гражданской активности россиян. *Власть*, (12): 56–61.

Тульчинский Г. Л. (2006) Проблемы благотворительности в современной России. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Социологические науки,* 2 (10): 35–44.

Уханова Ю. В., Леон Д., Шельвальд Р. (2021) Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз,* 14 (1): 169–185.

Шпак А., Мисютина В., Слуцкая М., Оганесян А., Новак К. (2022) *Российский филантроп: важность личного доверия к исполнителям и ожидание конкретных результатов.* Доступно по ссылке: https://clck.ru/3MYyzh (дата обращения: 12 февраля 2022).

Almaghrabi A., Alhogail A. (2022) Blockchain-based Donations Traceability Framework. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*. (34): 9442–9454.

Choi J., Park H. Y. (2021) How Donor's Regulatory Focus Changes the Effectiveness of a Sadness-Evoking Charity Appeal. *International Journal of Research in Marketing,* 38 (3): 749–769.

Fosgaard T. R., Soetevent A. R. (2022) I Will Donate Later! A Field Experiment on Cell Phone Donations to Charity. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 202 (C): 549–565.

Jordan J. J., Kouchaki M. (2021) Virtuous Victims. *Science Advances*, 15;7 (42): eabg5902.

Li Y. M., Wu J. D., Hsieh C. Y., Liou J. H. (2019) A Social Fundraising Mechanism for Charity Crowdfunding. Decision Support Systems, (*129)* DOI:10.1016/j.dss.2019.113170.

Ok E., Qian Y., Strejcek B., Aquino K. (2020) Signaling Virtuous Victimhood as Indicators of Dark Triad Personalities. *Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences,* 120 (6): 1634–1661.

Aleksander Maksimenko, Dina Krylova, Olga Deyneka, Anna Bushueva

VIRTUOUS VICTIMIZATION AND THE BOUNDARIES OF THIRD SECTOR ETHICS

This article analyzes the phenomenon of virtuous victimhood in the context of crowdfunding, a method of attracting private donations in situations of institutional instability and a lack of regulatory frameworks within the third sector. Relying on the concept of the 'double signal' (Ok et al., 2020), the authors argue that demonstrating vulnerability alongside moral impeccability increases the legitimacy of seeking help and the likelihood of receiving resources. The study combines psychological and institutional perspectives, including an analysis of how nonprofit organisation representatives perceive themselves and how potential donors perceive the moral image of the victim. The empirical part of the study consists of two stages. In the first stage, a virtuous victimhood questionnaire adapted for a Russian sample (n = 101) was used. The results showed that employees of charitable organizations exhibited signs of symbolic victimhood, such as uncertainty about the future, a sense of being undervalued, and social invisibility, especially among respondents with longer professional experience. In the second stage (n = 409), the study employed an experimental design in which the degree of moral 'deservingness' of the character requesting a donation was manipulated. The results revealed that the greater the perceived virtue of the victim, the more willing were the respondents to provide financial support, and the larger the expected donation amount. The obtained data make it possible to interpret virtuous victimhood as a socially significant strategy of public engagement in the field of charity. The risks of its pragmatic use are discussed, as well as the need for institutional reinforcement of standards of transparency, accountability, and ethical responsibility. This article contributes to the development of an interdisciplinary research agenda focusing on the moral foundations of social support, trust, and legitimacy at a time when representative institutions are in crisis and aid distribution mechanisms are undergoing transformation.

Aleksander Maksimenko — Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: maximenko.al@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000–0003–0891–4950

Dina Krylova — Head, Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: krylovadv@hse.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000–0001–5069–0319

Olga Deyneka — Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Head of the Department of Political Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: osdeyneka@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000–0001–8224–2190

Anna Bushueva — PhD candidate at the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. Email: a.m.bushueva@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0009–0007–2492–5568

Keywords: virtuous victimhood, ethical behavior, NGOs, dark triad, charitable foundations, disproportionate exchange, signaling of virtue, signaling of victimhood, social justice

Citation: Maksimenko A., Krylova D., Deyneka O., Bushueva A. (2025) Dobrodetel'naya viktimnost' i grani etichnosti tret'ego sektora [Virtuous Victimization and the Boundaries of Third Sector Ethics]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (2): 267–288.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-267-288

Acknowledgements

The study was carried out with the support of grant No. 25–28–01362 provided by the Russian National Science Foundation for the research project 'Research of socio-psychological predictors of the formation of a tendency to corruption and perceived punishment: the role and significance of mediators.'

References

Almaghrabi A., Alhogail A. (2022) Blockchain-based Donations Traceability Framework. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*, (34): 9442–9454.

Bry`zgalova V.A. (2018) *Mirovoj opyt funkcionirovaniya blagotvoritel`nykh fondov i ego ispol`zovanie v Rossii* [The World Experience of the Functioning of Charitable Foundations and Its Use in Russia]. Dis. kand. e`kon. nauk. Moscow.

Choi J., Park H. Y. (2021) How Donor's Regulatory Focus Changes the Effectiveness of a Sadness-Evoking Charity Appeal. *International Journal of Research in Marketing,* 38 (3): 749–769.

Dzyaloshinskij I. (2008) Blagotvoritel`nost` v sisteme PR-tekh nologij: novye tendencii [Charity in the PR Technology System: New Trends]. *Tendencii razvitiya svyazej s obshchestvennost`yu i reklamy: materialy Vseros. nauch.-prakt. Konferencia* [Trends in the Development of Public Relations and Advertising: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk: 1–5.

Fosgaard T. R., Soetevent A. R. (2022) I Will Donate Later! A Field Experiment on Cell Phone Donations to Charity. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 202 (C): 549–565.

Jordan J. J., Kouchaki M. (2021) Virtuous Victims. *Science Advances*, 15;7 (42): eabg5902.

Larionova T. P. (2009) Modelirovanie koordinacii sovremennoj rossijskoj blagotvoritel`nosti: sociologicheskij aspect [Modeling the Coordination of Modern Russian Charity: A Sociological Aspect]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities], 151 (5), 1: 30–40.

Laty`sheva A.N. (2007) E`to ne prosto biznes: social`naya sostavlyayushhaya rossijskogo kraudfandinga [This is not Just a Business: a Social Component of Russian Crowdfunding]. *Zhurnal issledovanij social`noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 15 (4): 660–668.

Li Y. M., Wu J. D., Hsieh C. Y., Liou J. H. (2019) A Social Fundraising Mechanism for Charity Crowdfunding. *Decision Support Systems*, (129). DOI:10.1016/j.dss.2019.113170.

Nefedova A. I. (2015) *Strategii fandrajzingovykh fondov po povysheniyu doveriya k sboru chastnykh pozhertvovanij* [Strategies of Fundraising Funds to Increase Confidence in Private Fundraising]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social`nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], (4): 166–182.

Ok E., Qian Y., Strejcek B., Aquino K. (2020) Signaling Virtuous Victimhood as Indicators of Dark Triad Personalities. *Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences,* 120 (6): 1634–1661.

Popova N. V., Popova E. V. (2018) *Blagotvoritel`nost` kak faktor formirovaniya nravstvennykh norm molodezhi* [Charity as a Factor in the Formation of Moral Standards of Youth]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 20 (10): 139–155.

Romashkina G. F., Davy`denko V.A., Ushakova Yu.V. (2018) *Obobshhennoe doverie: konceptualizaciya i izmerenie* [Generalized Trust: Conceptualization and Measurement]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Herald of Saint Petersburg University. Sociology], 11 (4): 464–486.

Shpak A., Misyutina V., Sluczkaya M., Oganesyan A., Novak K. (2022) *Rossijskij filantrop: vazhnost` lichnogo doveriya k ispolnitelyam i ozhidanie konkretnykh rezul`tatov* [Russian Philanthropist: The Importance of Personal Trust in Performers and the Expectation of Concrete Results]. Available at: https://clck.ru/3MYyzh (accessed 12 February 2022).

Sokolov A. V., Vlasova A. A. (2014) Blagotvoritel`nost` v sisteme grazhdanskoj aktivnosti rossiyan [Charity in the System of Civic Engagement of Russians]. *Vlast`* [Power], (12): 56–61.

Tul`chinskij G.L. (2006) Problemy` blagotvoritel`nosti v sovremennoj Rossii [Problems of Charity in Modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskoj gosudarstvennoj akademii kul`tury` i iskusstv. Sociologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. Sociological Sciences], 2 (10): 35–44.

Uxanova Yu.V., Leon D., Shel`val`d R. (2021) Blagotvoritel`naya deyatel`nost` lokal`nogo soobshhestva: itogi sociologicheskogo issledovaniya v rossijskom regione [Charitable Activities of the Local Community: The Results of a Sociological Study in the Russian Region]. *Ekonomicheskie i social`nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts], 14 (1): 169–185.